

Проблема текста в эпистемологии и науке

Поводом для настоящего обсуждения явилась статья И.Т. Касавина «Проблема текста: между эпистемологией и лингвистикой» (См.: Эпистемология & философия науки. 2006. Т. VIII. № 2), обмен мнениями по которой состоялся на заседании сектора социальной эпистемологии Института философии РАН еще до ее публикации, в феврале 2006 г. В данном разделе представлен ряд критических комментариев к статье вместе с ответом автора.

Гуманитарное знание и последствия «лингвистического поворота»*

В. Н. ПОРУС

Каждый пишет, что он слышит. В статье И.Т. Касавина я услышал озабоченность неопределенностью, какой характеризуется нынешняя «семиотическая культурология»: она, с одной стороны, выглядит «междисциплинарным движением», объединяющим различные науки (от лингвистики до биологии, от математики до истории культуры), а с другой, вопрос о научности этого движения, по выражению автора, утрачивает актуальность: «...«искусство», «дискурс», «нарратив», «сценарий» – вот поня-

*Статья подготовлена в рамках проекта «Коммуникативная рациональность как эпистемологическая проблема», грант РГНФ № 06-03-00301а.

тия, в контексте которых происходит его самоопределение»¹. Или, по-другому, понятие «текст», поставленное в центр внимания лингвистики, а также психологии, социальной антропологии, социологии и охватившее едва ли не все предметное содержание этих наук, разрослось до отождествления со всей культурой и даже со всей социальной реальностью, что усилило и без того значительные сомнения в научности гуманитарного знания. За что боролись?

Вынужденно кратко я обозначу свое отношение к этой проблеме, сама постановка которой, думаю, в высшей степени симптоматична.

В рассуждениях о научности гуманитарного знания есть особенность: они чрезвычайно насыщены метафорами, так что и не понять, где проходят границы этой метафоричности. Став заложником метафоры «Текст – реальность гуманитарного знания», трудно ответить на вопрос, а существует ли *иная реальность*, не замещенная текстом, а *представленная* им. Привлекательность метафоры понятна, если учесть, что *анализ текстов* – задача соответствующих наук, и потому радикальный способ «онаучивания» гуманитаристики – сделать ее «областью междисциплинарных научных исследований», образованной текстами как «предметами-посредниками»², так что само их «посредничество» как бы игнорируется и не входит в поле зрения науки. Так достигается цель: «гуманитаристика» переодета в тогу научности. Но остается ли она при этом *гуманитарным* знанием?

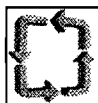
Вопрос несправедливый, как могло бы показаться энтузиастам, для которых «эмпиричность» есть синоним «научности», и потому они готовы добиваться ее любой ценой – даже ценой превращения культуры в «текст», за исследование которого уже принялся синкрит соответствующих научных дисциплин.

Ф. де Соссюр, конечно, прав в том, что «сама по себе» языковая деятельность ускользает от эмпирического исследования. Лингвистика создает свою особую эмпирию (ее *особость* – предмет специальных методологических исследований). И ей это удастся. Но следует ли из этого, что надо окончательно подчиниться метафоре «текста» и полагать всю «гуманитаристику» совокупностью разных форм лингвистики?

Это может вести (и ведет) к тому, что метафора обретает роль «ключевого понятия», которое избыточно расширяется: культура, да и весь мир человека, интерпретируются как Текст. Это некогда имело сакральный смысл (если мир – реализованный замысел

¹ Касавин И.Т. Проблема текста: между эпистемологией и лингвистикой // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. VIII. № 2. С. 36.

² См.: Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М., 1980. С. 167.

Создателя, то понимание этого замысла можно сближать с пониманием Его Текста), но когда метафора утратила свои связи с религией и богословием, она и этот смысл потеряла. И движение пошло в другую сторону – задача методологического «онаучивания» гуманитаристики подчинила себе сам предмет исследования.

Одна из современных форм превращения названной метафоры в движок методологического мейнстрима «лингвистического поворота» – теория речевых актов (SAT – speech acts theory). Совокупность человеческих взаимодействий в ней представлена как сеть, сплетенная из отдельных коммуникативных актов. Это имеет методологический смысл, если помнить, какой черты не должно переходить идеализационное усилие. Но поступают иначе: исходную идеализацию теории «разбавляют», наделяя языковые объекты (акты произнесения речи) вполне конкретными – социальными, психологическими, и разве что не физико-химическими – свойствами и характеристиками. Например, локуция и иллокуция (термины, прямо взятые из лингвистики) привязывают речевые акты к конкретным условиям их совершения (локализация в пространстве языка и за его пределами). И конечно же замечают, что границы между языком и «средой его обитания» не могут быть абсолютно жесткими (что, впрочем, совершенно очевидно). Но чтобы сохранить интенцию «лингвистического поворота», а заодно и выполнить условия «онаучивания» гуманитаристики, называют языком и то, что является только условием его использования (так сказать, «оязычивают» всю реальность). Это как если бы на вопрос следователя, почему выстрел, убивший оленя, был сделан в заповедной зоне, находчивый браконьер отвечал бы, что оленя убил не выстрел, а вся совокупность обстоятельств, приведших к этому печальному событию, начиная с изобретения пороха.

Концепцию SAT сопоставляют с функционально-коммуникативной теорией языка FCS (functional-communicative speech theory). И.Т. Касавин видит во второй концепции ряд преимуществ по сравнению с SAT и отмечает, что большинство современных философов языка ориентируются именно на нее. Думаю, что это связано прежде всего с популярностью методологической программы функционализма в целом³. Но вряд ли FCS действительно так уж радикально «противостоит» SAT. Она лишь выступает как более либеральная форма методологического «онаучивания» лингвистики и других гуманитарных исследований.

³ О методологических преимуществах и недостатках функционализма см: Порус В.Н. Функционализм: методологическая программа или философская парадигма? // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. VIII. № 2. С. 5–15.

Действительно, надо бы строго различать и описывать относительно независимым образом *коммуникативные действия* и *структуры языка*, в которых эти действия выражены. Понятно, что действие и разговор о действии – не одно и то же: одно дело сказать «Я дал ему по морде», другое – осуществить эту операцию. Из второго получается драка, тогда как первое может быть рассказом о галлюцинации. Но для того чтобы описать действия, все равно нужен язык, и он должен быть определенным образом структурирован. Вообще, чтобы установить какое-то отношение между структурами языка и структурами «реальности», необходимо выполнить ряд идеализирующих условий; например, такие условия были названы в «Трактате» Л. Витгенштейна. Что из этого получилось, известно: о чем нельзя говорить, о том следует молчать. Не получается ли, что в области гуманитаристики следует молчать буквально *обо всем*? Ведь реальность здесь выпрыгивает за рамки структур языка, и «запихать» ее обратно в эти рамки никак нельзя.

О том, что свойства текста влияют на характер его восприятия, известно всем. Если текст перенасыщен наукообразными терминами, не прибавляющими к нему никакого реального содержания, то нормальный человек скажет просто: «Болтовня!». Разумеется, лучше, чтобы текст отвечал каким-то оптимальным условиям понятности. Но сформулировать общую теорию «понятности текста» вряд ли кому-то удастся; слишком многообразны эти условия – от сообразительности и образованности реципиента до «чистоты» информационного канала между ним и текстом. Хороший пример у Ю. Кристевой: во Франции XIV–XV вв. была распространена практика «блазонов» – громких сообщений на городской площади о ходе военных действий или состояниях рынка. Эти сообщения произносились так, чтобы заключенная в них информация сочеталась с хвалебной ее оценкой. Но вышло наоборот: чем больше восхвалений властям содержалось в «блазонах», тем больше они воспринимались как издевательство и хула⁴. Бесспорным доказательством идиотизма Швейка для военных врачей было то, что он, повторяя официальную милитаристскую пропаганду, выкрикивал на улице здравницы императору, втащившему свою страну в войну. Теперь спросим: какая общая теория могла бы сформулировать требования, соблюдение которых сообщало бы одному и тому же тексту однозначную понятность или, по крайней мере, оптимизировало бы его понимание во всех возможных ситуациях или хотя бы в большинстве из них? Это была бы или очень тривиальная

⁴ Кристева Ю. Закрытый текст // Кристева Ю. Избранные труды. Разрушение поэтики. М., 2004. С. 154.

теория, без которой легко обойтись, или же невообразимо сложная, применение которой было бы совершенно невыносимо.

Это, впрочем, не означает, что исследование определенных закономерностей, которым подчинена связь текста с процессами его восприятия и понимания, бесполезно. Напротив, очень даже полезно, если его целью является не создание какой-то супертеории, а, скорее, выяснение *границ*, в которых «лингвистический поворот» способен обозначить какие-то реальные перспективы науки о текстах.

Вероятно, более «либеральная» концепция FCS действительно открывает какие-то новые возможности для текстологии. Она принимает точку зрения «холизма» при рассмотрении коммуникативных процессов, направленных на то, чтобы «языковыми средствами достичь индивидуальной или социальной цели, релевантной по отношению к некоторой иной, внеязыковой и более социально значимой деятельности»⁵, связывает лингвистические штудии с традициями герменевтики. Но, повторю, она все же остается в пределах «лингвистического поворота» со всеми его издержками.

Интересны предположения И.Т. Касавина о том, что текстология может и даже должна включать в себя рассмотрение уровня «порождения смыслов». Я писал о том, что понимание в одном из своих модусов является процессом взаимного «со-творения» смысла того, что понимается⁶. В одном из модусов (речь шла о понимании в искусстве), но *не во всех*. Но не станет ли рассмотрение именно этого модуса продуктивным в гуманитаристике? А почему бы и нет? Во всяком случае, это сблизило бы текстологические исследования с философскими (эпистемологическими) и, что более важно, остудило бы пафос лозунгов о превращении гуманитаристики в область эмпирических, то бишь научных, исследований – прошу понять, я не против *науки* о текстах, но против того, чтобы шаблоны «научности» применялись без разбора там, где это глупо (как применение физико-химико-биолого-физиолого-психологической теории «вкусного супа» как руководства к действиям повара).

То же можно сказать об идее «лингвистики дискурса» как переосмыслении «генеративной лингвистики»⁷. У меня сомнение – в развитие уже высказанных. Наука (или комплекс наук), рассматривающая текст во всех его «ипостасях», фазах становления,

⁵ Касавин И.Т. Цит. соч. С. 39.

⁶ См.: Порус В.Н. Искусство и понимание: сотворение смысла // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. М., 1990. С. 256–277.

⁷ Касавин И.Т. Цит. соч. С. 41.

контекстах, функциях и ролях – от замысла до знакового воплощения, от свойств знаковых систем до условий их понимания, от психологии восприятия текста до социологических факторов, определяющих его значимость в коммуникациях, – не утопия ли это? Такая наука больше похожа на миф. Или на имитацию самой себя. Отсюда и сомнения в ее статусе. И если так, то приходится признать, что «лингвистический поворот» завел в тупик, из которого пора как-то выбираться.

Возвращаться ли назад по тому же пути, но в обратном направлении? Еще раз: если «лингвистический поворот» ведет к тому, чтобы рассматривать любой культурный объект как текст (со всеми вытекающими последствиями), то «разворот» – к тому, что понятие «текст» расширится до понятия «культурный объект вообще» (последствий из этого вытечет ровно столько же, и они будут также неприемлемы). Не пришлось бы метаться между тупиками, зеркально отображающими друг друга!

Хорошо бы выйти на иной путь. По которому ученые и эпистемологи шли бы вместе, не пытаясь ни обогнать, ни – боже упаси! – сталкивать друг друга на обочину. Идти, обмениваясь мнениями, сравнивая цели и ценности, прислушиваясь к критике и учитывая опыт пройденного. Тогда вопрос «Что такое «лингвистический текст», изолированный от процесса коммуникации?» просто не мог бы возникнуть как тема для обсуждения.

Но это мечты. А в реальности мы опасливо прислушиваемся к ворчанию о «ненаучности» философской эпистемологии и ждем новых – очень научных – поворотов, ведущих в старые тупики.